

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1(075.8)

ДОНАУЧНЫЕ СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЕ ФОРМЫ В ГЕНЕЗИСЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ ПОДХОДОВ

Г.Н. КАЛИНИНА*Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры**e-mail: galakalinina@inbox.ru*

Концептуально ограниченный подход, согласно которому научная форма познания схематично «выводится» из непрерывного временного континуума, начиная от «зари» человечества и до XVI-XVII вв. (период экспериментального естествознания), затрудняет поиск детерминаций с точки зрения исследования органических связей между социокультурными особенностями эпохи, с одной стороны, и содержательно-когнитивной стороной научной революции Нового времени как второго качественного скачка в истории науки, с другой (как это, собственно, и должно быть на деле).

Анализировать проблему генезиса науки, выделяя прото (пред) научный аспект в качестве ее «начал», значит, по меньшей мере, пытаться «вывести» с высоты современности необходимую и достаточную совокупность условий и предпосылок возникновения науки в донаучном сознании и тем самым подгонять «искомое» под «известное».

Ключевые слова: научная форма познания, картина мира, донаучные социально-когнитивные формы, «генетический порог», границы науки, восполняющие замещения, метаморфоз, архаизация, модернизация, концептуальная неоднородность.

Основной задачей данной статьи является обоснование положения о том, что известные сложности попыток понять природу и генезис опытной науки с высоты сегодняшнего дня связаны с тем, что в условиях очевидной концептуальной неоднородности по данной сложной проблематике продолжает сохраняться наличие двух тенденций – архаизации и модернизации данного процесса. Их преодоление возможно в ходе установления коррелятивной, постоянно уточняемой связи, между предельным, наиболее гибким представлением о науке, с одной стороны, и ее возможным историческим первоначалом, с другой.

Выявление исторических и социокультурных предпосылок и границ генезиса новоевропейской науки сопряжено с метаморфозом превращенных, ненаучных форм знания. Это делает необходимым анализ сложного механизма функционирования, взаимоотношения данных социальных и ментально-когнитивных форм как восполняющих замещений на границах, разрывах и культурных диалогах исторических

типов античной рациональности, средневекового разума и веры, а также реформационного философско-теологического и капиталистического практического рационализма в диахронном и синхронном измерениях.

Прежде всего, имеет смысл отметить следующее важное обстоятельство. Известные сложности вокруг проблемы становления современной науки, опасность двух крайностей (ее как архаизации, так и модернизации) мы объясняем рядом факторов. В значительной мере – расплывчатостью того, что именно понимается под наукой. Так, осознания факта совершенной не тождественности современного понятия науки «как социальной деятельности, направленной на производство нового знания в целях приобретения власти над природой и технологического ее приложения» (И.Н.Лосева) является повсеместный перевод античного слова «episteme» как «наука» (science). При ближайшем рассмотрении такой перевод не выходит за рамки современных представлений о науке (когда наука обозначает не только систему понятий, но и деятельность по производству такой системы, т.е. социальный институт, и уже не мыслится вне этих понятий). – Античное понятие «знание», «episteme» как «наука», подобной нагрузки не несет. – Оно обозначает истинное и достоверное знание о вещах через знание их причин.

В значительной мере решение вопроса о возникновении науки зависит как от взгляда на самое науку, что является важнейшей методологической предпосылкой, так и от факторов (условий и причин), сделавших возможным появление данного феномена, и тем самым превративших данную возможность в действительность. Решение задачи точного и плодотворного анализа специфики научного познания и его конструктивных связей с другими, ненаучными формами культуры предполагает исторический подход к науке, анализ ее возникновения как специфического феномена культуры, выявление ее «демаркационных линий» с донаучными и вненаучными формами сознания¹. Такая постановка вопроса выступает в виде исходного теоретико-познавательного эталона, соотносимого и коррелируемого с реализованными в истории познавательными формами²,

В ряду существенных препятствий, затрудняющих выявление предпосылок и границ генезиса науки также следует назвать: и использованием различных критериев; и тем, что ряд важных аспектов, проливающих свет на проблему генезиса науки остаются (в результате попыток авторов ограничить область поиска) на периферии анализа и потому раскрываются явно недостаточно. В значительной мере концептуальную неоднородность и разные модели генезиса науки мы склонны связывать с противоречивостью самих требований в данной области. Так, с одной стороны, понимание науки как определенной целостности, с необходимостью предполагает введение концепции дискретности в развитии знания. А, с другой, необходимо осмысление науки как наследницы знания предыдущих эпох, что предполагает движение мысли в рамках концепции непрерывности. Наконец, по причине отсутствия углубленного внимания (и интереса) к исследованию социально-культурного контекста, в котором происходила «картина развития идей», она неизбежно теряла свою многомерность. Представляется, что поиски продуктивного преодоления, «снятия» такого рода трудностей, создающих нежелательный «эффект» упрощения реальной истории науки, ее неоправданной схематизации, лежат в плоскости диалектического синтеза концепций непрерывности и дискретности и внимательного «прочтения» качественной специфики каждого этапа научного поступательного движения (научного прогресса).

Вопрос генезиса научного познания тесно связан с ролью такой важной и исторически уникальной сферой деятельности, обладающей рациональностью и всеобщностью, как процесс самосозидания субъекта деятельности и познания периода Возрождения и Нового времени. – Эпохи, в недрах которой развивался «правильный кристалл» научной картины мира, который не мог вырасти из хаотического,

¹ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.27.

² Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – С. 34.

аффективного, нерационализованного «раствора» обыденного сознания. Авторы большинства гносеологических моделей, в которых развивается данная тема, подчеркивая, что наглядность научной картины мира «тесно связана со здравым смыслом, сферой обыденным опыта людей»³, не обосновательно пытаются установить вклад «обыденного сознания», «образов повседневного опыта» в создание научной картины мира. В результате ситуация такова, что в подавляющей своей части исследователи в НКМ, формировавшейся в XVII в. предпочитают видеть лишь «продолжение» обыденного (дотеоретического) сознания.

Данная методология в известной мере беспочвенна, поскольку она базируется на поисках выхода в теорию из «чисто» обыденных способов познания, то есть из опыта, который ограничен чувственностью и не дает достаточного материала для выяснения причин, закономерностей явлений, улавливая лишь обманчивую видимость вещей⁴. Отдавая должное роли так называемой донаучным социально-когнитивным формам в обогащении познавательного опыта человечества, без которого (как это настойчиво подчеркивается в современной литературе по истории науки и культуры), было бы невозможно развитие науки в дальнейшем, мы считаем нужным подчеркнуть первостепенную значимость анализа качественного скачка в развитии познания, поскольку он оказался решающим в формировании науки и научной формы (по) знания.

В отечественной⁵ и западной литературе в достаточно явном виде сложились противоположные методологические позиции об отношении обыденного сознания (здравого смысла) и науки (НКМ). Позитивистская – не видит принципиального между ними различия: наука есть очищенный, систематизированный «экстракт» здравого смысла и «совечна» тем самым обыденному сознанию. Вторая представлена главным образом романтиками, неокантианцами (Э.Кассирер и др), историками интерналистского направления (А.Койре, Дж.Макгуайр, и др.), историческим направлением в философии науки (И.Лакатос, П.Фейерабенд, Т.Кун, Н.Хэнсон), к ним примыкает К.Попер, которые, напротив, утверждают качественное отличие науки от обыденного сознания в силу ее специфики и выделяют момент ее рождения из непрерывного временного континуума, относя его к XVI- XVII вв. Данный процесс связывается с разрушением антично-средневековой концепции мироздания, во многих отношениях родственной обыденному сознанию, с разрывом мира обыденного опыта и научной картиной мира. Об эмоциональных препятствиях (отчасти «сопротивлении») для принятия этим сознанием научной картины мира достаточно определенно высказываются М.Борн, М.Планк, А.Ф.Лосев, А.Койре и др).⁶ «..развитие всей теоретической физики совершается под знаком объединения ее системы, которое достигается благодаря освобождению от антропоморфных элементов»⁷.

Иначе говоря, мы наблюдаем позиции, логически исключаящие друг друга. Первая – НКМ, не имея качественной специфики, формируется путем очищения, прояснения, систематизации и пр.от обыденного сознания. Вторая – констатируя факт качественного отличия НКМ от содержания обыденного сознания, формируется путем разрыва с ним. Надо сказать, что, наряду с названными, имеет место и иная гносеологическая модель генезиса НКМ, вычленившая из обыденного сознания особую сферу «производственно-технического сознания», активностью которого, и созданным

³ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.27.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.47, с.554.

⁵ Анализ проблемы генезиса науки, ее отличия от других вненаучных форм сознания, также претендующих на выработку определенного знания о мире, являлся предметом особо интенсивного изучения в советской философской, науковедческой и историко-научной литературе периода 80-х гг. (труды П.П.Гайденко, А.А.Гурштейна, А.Ф.Зотова, В.В.Ильина, В.А.Лекторского, В.С.Швырева, И.К.Лосевой, И.Д.Рожанского, Б.А.Старостина, В.С.Степина и др.).

⁶ Борн М. Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 535 с; Планк М. Физические очерки. – М.: Госиздат, 1925. – 136 с; Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд. Авт., 1930. – 286 с.

⁷ Планк М. Физические очерки. – М.: Госиздат, 1925. –С. 8.

им «заделом» («фондом предметных и производственных идей»)⁸, обязана своему появлению научная картина мира. Мы, в свою очередь, склонны принять парадигму, в рамках которой утверждается факт качественной специфики научной картины мира, не сводимой по факту своего рождения к эволюции обыденного сознания и формирующуюся путем радикального разрыва с ним.

Выяснить, что такое наука не возможно без опоры на твердое предварительное понятие о начале науки, ее «нижних» и «верхних» границах. Это так называемый «генетический порог» науки, в отношении которого в научной и философской литературе нередко допускаются нежелательные перегибы (как снижение, так и завышение) – в зависимости от концептуального подхода того или иного исследователя.

В первом случае в науку включаются буквально все знания, взятые в качестве результата социального опыта человечества, носящие характер адекватного объективного отражения действительности, в том числе и прото-, преднаука, которая резюмирует собой факт единства процесса научной деятельности, уходящей в предисторию человечества. Так, согласно А.А. Гурштейну, определяющим признаком науки, инвариантным по отношению к ее содержанию и организационным формам, полагается ее ориентация на «получение и развитие новых знаний»⁹, накопление объема объективно правильных сведений о мире как основного условия формирования, функционирования, совершенствования материальной и духовной культуры человечества. Схожую точку зрения относительно главных признаков науки излагает И.Д.Рожанский: «Наука есть ... деятельность по получению новых знаний; самоценность и постижение истины, рациональный характер, систематичность»¹⁰. М.В.Вартовский, выводя генезис науки из протознания, полагает ее «выросшей в суждениях здравого смысла, в обыденных способах познания»¹¹, говоря, что самые умозрительные греческие теории являются «попыткой упорядочить и объяснить мир здравого смысла»¹², совершенно неоправданно отодвигая тем самым границы генезиса науки в раннюю стадию культуры, ее недра. Б.Г.Юдин акцентирует внимание на соответствии (удовлетворении) знаний, претендующих на статус «научные» ряду специфических требований; В.В.Ильин, занимая схожую позицию с И.Д.Рожанским, со своей стороны выделяет определяющие признаки науки, подчеркивая наличие определенной целевой установки (производство нового знания), «познание ради познания»; рациональность, исключаящая мифологию, магию, веру в сверхъестественное и пр. И чего следует, что, научное знание может быть выделено лишь на последовательной доказательной основе в результате обоснованного и необходимого вывода из теоретического рассмотрения предмета в «чистом виде»¹³. – «Множество разрозненных знаний, полученных и функционирующих как набор эмпирических алгоритмов по решению опытных задач, не образует науки (выделено нами – Г.К)

В русле поисков оптимального решения демаркации научной и обыденной форм (по) знания В.С.Степин реализует эту задачу, беря за основу схему анализа труда по средствам и по особенностям «субъектной стороны» научной познавательной деятельности (по Марксу). Это, действительно, позволяет не просто проводить разграничение научного и обыденного стихийно-эмпирического познания, но и вывести ряд конкретных определений, характеризующих саму природу научного исследования*. Подход В.С.Степина отдает приоритеты проективно-конструктивной функции как определяющей черте научного (по) знания- науки, а фаза формирования «особого мира

⁸ Дышлевый П.С., Яценко Л.В. Научная картина мира в культурно-историческом контексте. – В кн: Научная картина мира: (Логико-гносеологический аспект). Киев, 1983, – С.24.

⁹ См., например: Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1984, № 2, – С. 19-30; Гурштейн А.А. Наука и протонаука. – Природа, М., 1985, № 4. – С. 90-99

¹⁰ Рожанский И.Д. Античная наука. – М., 1980, с.3.

¹¹ Wartofsky M.W. Conceptual Foundation of Scientific Thought.N.V., 1968., p.62.

¹² Wartofsky M.W. Conceptual Foundation of Scientific Thought.N.V., 1968.,p.62.

¹³ Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – С. 31-42.

* Подробно данный аспект рассмотрен в 1.1.

идеальных сущностей» важна здесь не сама по себе, но, в первую очередь, на том основании, что она (данная фаза) выступает (и рассматривается) как важная предпосылка для реализации именно проективно-конструктивной функции (по) знания. отождествлением понятие идеального объекта с содержанием абстракции (а не распространяя его, скажем, на любые конструкции сознания, задающие ту или иную модель мира), подчеркивается, что в науке содержательные возможности идеальных объектов выходят за рамки наличной практической деятельности, что, относится к науке развитого типа (а отнюдь не к «мировому дереву» мифологического сознания и модели мира, им (таким сознанием) сформированной. Точка отсчета в генезисе «действительно науки», по мнению автора, предполагает независимо от эмпирии движение в сфере идеальных объектов, которое приводит к получению новых знаний в рамках экспликации заложенного в схеме построения данного идеального объекта содержания. Такой способ работы с идеальными объектами, резюмирует В.С.Степин, содержит в себе возможности дальнейшего развития, в котором реализуются эвристические функции теоретического сознания как опережающего наличный уровень практики отражения»¹⁴.

В свою очередь, Г.И.Ойзерман в качестве исходной, необходимой характеристики научного познания, называет формирование рефлексивного аппарата – «теоретического фильтра». Призванного участвовать в механизме превращения выделенных абстракций, познавательных норм и схем из контекста непосредственной практики в предмет особого рода деятельности, которая руководствуется специфическими критериями, идеалами и нормами. Последние и определяют обоснованность, доказательность выводов, полученных в работе с идеальными объектами. Выделение абстракций из контекста реальной жизни и превращение их в особого типа реалии, являющиеся предметом осознанной в соответствующих рефлексивных представлениях деятельности, и составляет определяющие признаки науки как формы теоретического сознания.

Действительно, историкам науки трудно дается согласование концепций в условиях неопределенности и неоднородности самого понятия «наука». Нередко авторские статьи, основанные, скажем, на схожем фактуальном материале, радикальным образом расходятся в выводах. В большинстве своем в качестве важнейшей мировоззренческой предпосылки смены одного типа познавательного отношения к другому и перехода от протонаучного знания к «собственно науке, рассматривается преодоление основ архаического мифологического сознания, создание демифологизированной «объектно-естественной» картины мира*. Этим во многом объясняется сегодняшнее повышенное внимание исследователей к мифу и донаучным формам знания; говорится о необходимости их реабилитации как равноправных а не маргинальных (как считалось ранее) субъектов познавательного процесса. Некоторые из авторов склонны говорить о том, что истоки многих видов научной тематики и проблематики современности уходят в недра мифологического сознания, выступавшего первичной формой идеального и рационального с функциями регулирующей деятельность знания, являясь весьма устойчивыми к революционным потрясениям в науке; что первое объяснение познавательного процесса в форме пророчества и гадания, понимание окружающего мира в образе архаической онтологии дала магия со свойственной ей когнитивно-исследовательской установкой. В то время как миф, оформив последнюю в целостную систему сакрального сознания, завершил деление мира на профанный и сакральный, став, по сути, первым длинным intersubъективным текстом – всеобъемлющим ресурсом культуры. В значительной мере это сопряжено с необходимостью раскрыть базовые структуры сознания и его связь с бессознательным, с

¹⁴ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.36.

* Здесь важно различать два контекста (параметра) как основания для проведения различия, учет которых в решении вопроса о генезисе науки необходим. Во-первых, мировоззренческий (система отношений и «картина мира», доминирующая в культуре) и, во-вторых, контекст применения, практического (материально-производственного, прежде всего) использования имеющегося корпуса знания.

нетематизируемыми горизонтами жизненного мира, с непрозрачными зонами «забвения»¹⁵.

В.С.Швырев, в русле проблемы определения «начала» науки, справедливо обращает внимание на следующее: «Пытаясь понять специфику архаической культуры, сложную диалектику нерационального и иррационального, мы становимся на реальные пути осознания того, как в крайне сложных условиях формирующееся и развивающееся человеческое существо сумело в общем и целом успешно справиться с труднейшими задачами и создать фундамент последующей цивилизации. Одновременно при таком подходе сохраняется перспектива исследования специфики производства знания в рамках науки»¹⁶. И уж не в коей мере речь не идет о том, что отказ рассматривать накопленный багаж знаний в качестве научных означает, что мы, «оставляем человека целиком в лоне религии»¹⁷, принижаем значимость его достижений в познавательной сфере.

Напротив, многолинейность мыслительной деятельности на донаучной стадии обнаруживает сложную диалектику рационального и иррационального, адекватного и превратного, субъективного и объективного. Это обусловлено не только противоречивостью практики, но в значительной степени амбивалентностью ментальности, следствием чего стало существование двух основных тенденций духовного производства – рациональной (идеальная сторона общественной практики) и мистико-религиозной, порожденной практической беспомощностью антропоморфного деятеля.

Итак, мы видим, что, с одной стороны, распространенное включение в понятие «наука» буквально всего объема достижений человеческого духа напоминает абстракцию «производства вообще», демонстрируя чрезмерное содержательное (а не только терминологическое) занижение «нижней» границы науки в социальном и культурно-историческом измерении. При таком подходе к генезису научной формы знания некий абстрактный объект под названием «наука» отсылается к достаточно ранней стадии культуры. На ранней исторической фазе развития духовной культуры мы не находим еще оснований научного знания как таковых, а, следовательно, и связей, образующих такой важный атрибут науки, как «стиль научного мышления». – Складывающиеся предпосылки начальных механизмов образования научной формы духовного производства (форм научного познания) еще скрыты в глубинах практической деятельности и мышления человека. Анализировать проблему генезиса науки подчеркивая прото (пред) научный аспект в качестве «начал» собственно науки, значит, по меньшей мере пытаться «вывести» с высоты современности необходимую и достаточную совокупность условий и предпосылок возникновения науки в донаучном сознании и тем самым подгонять «искомое» под «известное». Такой подход, безусловно, затрудняет решение вопроса о предпосылках генезиса научной формы (по) знания, решение которого предполагает его анализ под углом зрения исследования сложного метаморфоза донаучных форм мыслительной деятельности, не позволяет в должной мере проследить сложные механизмы их функционирования на границах генезиса собственно науки.

В не меньшей мере уязвима для критики позиция, которая на «почве» категорического отрицания линию «непрерывности», игнорирует (в русле модернизации) фактор преемственности знания – под наукой в таком случае понимается главным образом (или только) экспериментально-математическое естествознание, а ее возникновение связывается с утверждением экспериментального естествознания с

¹⁵ Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога. Эпистемология и философия науки. Т. IV, 2005, № 2. - С.13.

¹⁶ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.29.

¹⁷ Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен // Вопр. истории естествознания и техники, М., 1984, № 2, – С. 24.

последующей его математизацией в XVIII в.¹⁸. В данном случае имеет место завышение генетического «порога» науки, что тоже недопустимо.

С точки зрения необходимости комплексного подхода к научному познанию и его истории, решение интенсивно дискутируемой проблемы, лежащей в плоскости социокультурной детерминации и генезиса науки, мы стоим на позиции ухода от любых крайностей, когда, при должном внимании к ранним историческим познавательным формам одновременно учитывается (не ограничиваясь фиксацией «лежащих на поверхности» фактов и зависимостей) специфика (инвариант) научной формы (по) знания и самосознания¹⁹. Установка на рефлексивный анализ генезиса научно-познавательной деятельности требует непреложного учета всего многослойного контекста культурного развития, знания сложного механизма его детерминации и методологической четкости, а также определенного уровня и развития средств анализа мышления. Без них нельзя в полной мере «пролить свет» на вопрос о генезисе науки, осмыслить и представить ее как культурный феномен в его целостности и совокупности, выделить органически связанные аспекты и оптимально верные линии реализации данной проблемы.

Проблема предпосылок и оснований научно-познавательной деятельности (не как некоего замкнутого «в себе» явления, а как происходящего в широком контекстуальном пространстве его внешних связей) охватывает хоть и различные, но органически связанные ее аспекты. Они касаются прежде всего, предметно-содержательного когнитивного характера этой единой проблемы: в определенном «образе науки» предполагается и содержится представление об идеалах и нормах научности, в которых в большей степени проявляется самостоятельность социальных и ценностных факторов, преломляющихся в нормах когнитивности. Вот почему мы разделяем позицию целого ряда авторов²⁰, которые, в русле программы поиска социокультурных детерминаций, акцентируют внимание на исследовании органических связей между социокультурными факторами (особенностями) эпохи и содержательно-когнитивной стороной научной революции Нового времени как второго качественного скачка в истории науки.

В данном случае мы имеем в виду не только значимость выявления идейно-мировоззренческих предпосылок возникновения новоевропейской опытной науки, куда включаются основные черты картины мира, лежащей в ее основе: разрушение иерархической средневековой картины мира и замена ее представлениями о гомогенном Космосе, превращение природы, свободной от «живых сил» и их носителей, в механизм. Не менее важно выявление специфики идеалов и норм научного мышления (как то: отказ от авторитетов любого рода; установка на внутреннюю достоверность знания для

¹⁸ См., например: Гайденок П.П. О понимании преемственности в развитии научного знания. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1981, № 3, – С. 34-36; Гайденок П.П. Эволюция понятия науки: Становление первых науч. прогр. – М.: Наука, 1980. – 568 с. и др.

¹⁹ Юдин Б.Г. К вопросу об эволюции форм самосознания науки. – В кн.: Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983, – С. 15-19; Юдин Б.Г. Методологическая и социокультурная определенность научного знания. Минск, 1981, – С. 120-158; Юдин Б.Г. Методологическая характеристика процессов взаимодействия наук. – в кн.: Методологические проблемы взаимодействия естественных и технических наук. М., 1981, – С. 178-198; Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – С. 31-42; Степин В.С. Специфика научного знания и социокультурные предпосылки его генезиса. – В кн.: Наука и культура. М., 1984, – С.138-158; Степин В.С. Картина мира и ее функции в научном исследовании. – В кн.: Научная картина мира: логико-гносеологический аспект. Киев, 1983, – С. 80-107; Степин В.С. Эвристическая функция научной картины мира. – В кн.: Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. Москва; Обнинск, 1983. – С. 23-26; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. – М.: Политиздат, 1984. – 232 с; Швырев В.С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки. Вопр. философии, М., 1985, № 6, – С.44-56; Швырев В.С. Теория познания и методологический анализ науки. – В кн.: Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. – С. 123-148; Швырев В.С., Юдин Б.Г. Методологический анализ науки: его сущность, основные типы и формы. – М.: Знание. – 1980. № 2. и др.

²⁰ См.: Аухтин В.А. История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. – М.: Наука, 1976. – 292 с; Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: Две эпохи в развитии буржуазной философии. – В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972, – С. 29-94; Петров М.К. Как создавали науку? – Природа, М., 1977. № 9, – С.80-88.

самосознания познающего субъекта; развитие логического инструментария теоретического мышления и навыков дискуссий (заслуга средневековой схоластики, прежде всего); наконец, внедрение и утверждение экспериментально-технологического «стиля мышления»^{*}.

Сложность, однако, состоит в обозначении конкретных механизмов социокультурной детерминации специфики науки Нового времени (новой науки), а точнее – в определении степени значимости различных факторов и условий для этой детерминации. Как отмечает В.С. Швырев, современная историко-научная мысль «безусловно преодолела примитивизм наивно-когнитивистских кумулятивных схем и расширила горизонт своего видения предмета, но испытывает значительные трудности в установлении концептуальных связей внутри этой более широкой и полной его картины»²¹.

Этим лишь лишний раз подтверждается тот очевидный для нас факт, что в большинстве своем проблема генезиса науки решается в известном спенсеровском контексте ассоциации науки «с искусством и ремеслом (techne), произошедшими из опыта и имеющими применение для практических целей»²². – Эмпирические действия в ремесленном опыте, однако, не могут адекватно выразить все свойства объекта, ухватывая только «узкую» область действительности, лишь отдельные чувственно воспринимаемые вещи и процессы. Прав Маркс, когда говорит: «...на прежних ступенях производства ограниченный объем знания и опыта...в целом никогда не выходил за пределы традиционно пополняемого и лишь очень медленно и понемногу расширяемого собирания рецептов. (Эмпирическое овладение тайнами каждого ремесла). Рука и голова не были отделены друг от друга»²³. Когда же наука выводится из «разросшегося обыденного знания», тогда упускается из виду, что на эмпирическом уровне момент всеобщности не ухватывается. – Такое возможно лишь на более высоких ступенях абстракции, присущих (и характерных) для спекулятивного «духа» философии, прототипом которого явился античный способ мышления.

Таким образом, генезис научной картины мира, отличающейся своей качественной спецификой, не сводим к эволюции обыденного сознания, к донаучным социально-когнитивным формам и формируется через радикальный разрыв с таковыми. Включение в науку всех вырабатываемых в культуре и в социальном опыте человечества знаний, в том числе прототипа (пред) научной формы, является неоправданным упрощением реальной истории науки и столь же неоправданной ее схематизацией. При таком подходе к генезису научной формы знания некий абстрактный объект под названием «наука» (в русле тенденции архаизации) отсылается к достаточно ранней стадии культуры. А из этого следует, что размывается и становится неявной прежде всего, содержательная граница между «знанием вообще» и «собственно наукой» (систематизированной наукой); возникает опасность «круга» и занижения нижней границы («генетического порога») науки в глубины человеческой истории и культуры; происходит нарушение стилевой специфики различных духовных образований как детерминирующего фактора научно-познавательной деятельности.

Для нас вполне очевидно, что наиболее весомые возражения по поводу неправомерности попыток занижения генетического порога науки (что, как отмечалось, наиболее, распространено) целесообразно вести на почве рефлексии специфики античного общества. Именно там впервые теоретическое сознание смогло сформулировать норму поиска истины, вырабатывающейся самими людьми и являющейся исключительно результатом напряженной работы сознания свободных

^{*}В вопросе социокультурной детерминации естествознания нового времени прослеживается устойчивая связь между «технологическим сознанием», сформировавшимся в сфере материального производства и стилем экспериментально-математической науки (См.: Лекторский В.А., Швырев В.С. Диалектика практики и теории. – Вопросы философии, М., 1981, с.12-24; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. – М.: Политиздат, 1984. – С.156. -232 с.

²¹ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.39.

²² Crombie A.C. (ed.). Scientific Change.L.,1963,p.15

²³ Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.47, – С.554.

граждан^{*}. – «...теретическое познание, отмечал Ф.Энгельс в «Диалектике природы», если оно хочет проследить историю возникновения и развития своих теперешних общих положений, вынуждено возвращаться к грекам»²⁴. Представляется, что в этих словах – квинтэссенция одной из сложных и важных в истории науки проблем – проблемы преемственной связи науки различных эпох, античной, средневековой и современной форм знания, в русле развития которых, собственно, и сложились релевантные условия для возникновения науки в ее традиционном сегодняшнем понимании и трактовке.

Список литературы

1. Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – 63 с.
2. Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – с. 34-42.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.47.
4. Борн М. Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 535 с;
5. Планк М. Физические очерки. – М.: Госиздат, 1925. – 136 с;
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд. Авт., 1930. – 286 с.
6. Дышлевый П.С., Яценко Л.В. Научная картина мира в культурно-историческом контексте. – В кн: Научная картина мира: (Логико-гносеологический аспект). Киев, 1983, с.74-79.
7. Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2, с. 19-30;
8. Гурштейн А.А. Наука и протонаука. – Природа, М., 1985, № 4. – с. 90-99.
9. Рожанский И.Д. Античная наука. – М., 1980.
10. Wartofsky M.W. Conceptual Foundation of Scientific Thought. N.V., 1968., p.62.
11. Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога. Эпистемология и философия науки. Т. IV, 2005, № 2.- С.13-20.
12. Гайденко П.П. О понимании преемственности в развитии научного знания. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1981, № 3, с. 34-36;
13. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление первых науч. прогр. – М.: Наука, 1980. – 568 с.
14. Швырев В.С. Теория познания и методологический анализ науки. – В кн.: Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983, с. 123-148;
15. Петров М.К. Как создавали науку? – Природа, М., 1977. № 9, с.80-88.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М., 1952, с.24-25.

PRE-SCIENTIFIC SOCIO-COGNITIVE FORM OF THE GENESIS OF SCIENTIFIC COGNITION: CONCEPTUAL DIVERSITY OF APPROACHES

G. N. KALININA

*The Belgorod state institute
of arts and culture*

e-mail: galakalinina@inbox.ru

The article argues with the limited approach, according to which the scientific knowledge of schematic form "displayed" the natural continuum which is ranged from the dawn of humanity and to the XVI-XVII centuries. This approach makes it difficult to find determinations in terms of organic links between socio-cultural characteristics of the era, on the one hand, and the contextual cognitive side of the scientific revolution, the new age as a second qualitative leap in the history of science, on the other (as it actually should be in fact).

Keywords: scientific form of cognition, worldview, pre-scientific socio-cognitive, genetic threshold, boundaries of science, substitution, metamorphosis, archaization, upgrade, conceptual heterogeneity.

* Однако только осторожное отношение к античности позволит нам избежать невольных парадоксов или модернизаций при характеристике достижений греческого мыслительного гения.

²⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. – М., 1952, – С.24-25.